

О ТИПОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ

© 2016 г. В. П. Москвин

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
Россия, 400066, г. Волгоград, просп. им. В.И. Ленина, д. 27

vasmoskvin@yandex.ru

ON THE CLASSIFICATION OF SEMANTIC TRANSFERS

© 2016 Vasily P. Moskvin

Doctor of Philological Sciences, Professor at the Russian Language Department
of the Volgograd State Socio-Pedagogical University,
27, Lenin prospect, Volgograd, 400066, Russia

vasmoskvin@yandex

В статье представлена общая классификация семантических переносов. Как показало исследование, переносы поддаются систематизации по четырём параметрам: 1) по характеру ассоциаций, лежащих в их основе: сходству, смежности и контрасту, причём ассоциации по сходству и контрасту составляют основу таксономических переносов (с рода на вид, с вида на род, с вида на вид и др.); 2) по функциональному параметру: функционально релевантные и иррелевантные; 3) по сфере действия: перенос распространяется как на план содержания языкового знака (метафора, метонимия, таксономический перенос), так и на план его выражения (звуковая метафора); как на лексическую, так и на грамматическую семантику; 4) по степени выразительности: так, метонимические ассоциации более реалистичны и предсказуемы, чем метафорические.

The article focuses on the general classification of semantic transfers. As our research shows, such transfers can be systematized according to four parameters: 1) the type of underlying associations: similarity, contiguity and contrast (it's worth noting that associations by similarity and contrast comprise the basis for taxonomic transfers – from genus to species, from species to genus, from species to species, etc.); 2) the functional parameter: whether the transfer is functionally relevant or irrelevant; 3) the sphere of action: the transfer applies both to the content of a linguistic sign (metaphor, metonymy, taxonomic transfer) and to its expression (sound metaphor); both – to lexical and grammatical semantics; 4) the degree of expressiveness: thus, the metonymic associations are more realistic and predictable than the metaphoric ones.

Ключевые слова: метафора, метонимия, синекдоха, таксономический перенос, грамматический перенос.

Key words: metaphor, metonymy, synecdoche, taxonomic transfer, grammatical transfer.

Семантические переносы, их конкретные виды и отдельные микросистемы были вполне удовлетворительно изучены и описаны уже в работах античных и средневековых учёных, однако общая типология переносов отсутствует, существующие же описания подвергаются небезосновательной критике. Нельзя не согласиться, в частности, с мнением о том, что в классификационных схемах, предложенных Г. Паулем, Г. Стерном, Л. Блум-

филдом, С. Ульманом, “классы подобны островам”, поскольку бинарные оппозиции “сужение / расширение”, “метафора / метонимия” и др., никак не будучи связаны друг с другом, не образуют “arbor Porphyrii”, т.е. родовидовую иерархию [1, с. 70].

К этому замечанию добавим, что списки переносов зачастую бывают таксономически гетерогенны, в частности, по причине включения в них,

вслед за К. Ниропом [2, с. 326–336], С. Ульманом [3, с. 237 и 243–245], А. Бланком [4, с. 303–308] и др., народной этимологии, что не представляется вполне логичным, поскольку последняя традиционно рассматривается как ошибка, возникающая в результате либо искажения (пример из ценников конца 70-х гг. XX в.: *гриб-фрукт* вм. *грейпфрут* под влиянием лексем *гриб* и *фрукт*), либо переосмысления слова на основе близкочувчия: так, славянизм *куща* ‘шатёр, хижина’ под влиянием единиц тематического ряда *чаща, роща, пуща, куст, куститься, кущение* приобрёл прежде паразитарное (в конце XVIII – нач. XX в.), а ныне кодифицированное значение ‘листва, крона дерева’ [5, с. 194]. Очевидно, что народная этимология (как функционально иррелевантный феномен, к тому же не всегда связанный с переносом) и метафора, метонимия, а также другие выразительные приёмы (как функционально релевантные феномены) не могут принадлежать одному таксономическому классу.

Приведём новейший, получивший довольно широкое распространение перечень: 1) метафора, 2) перенос с вида на вид, 3) расширение, 4) специализация, 5) метонимия, 6) антифразис, 7) народная этимология, 8) “лексическая абсорбция”, в частности: а) “абсорбция в определяемое (in determinatum)”: франц. *gabelle* ‘налог’ > *gabelle* ‘налог на соль’ вм. *gabelle de sel*; б) “абсорбция в определение”: итал. *portatile* ‘портативный’ > *portatile* ‘ноутбук’ вм. *computer portatile* [6, с. 67–70; подробнее см.: 4, с. 157–323]. “Абсорбция в определяемое” (вид специализации) объединена с “абсорбцией в определение” (видом грамматического переноса) на основе сугубо формальных связей, специализация значения присутствует в перечне дважды (в пунктах 4 и 8-а), etc. Как видим, логичность связей между компонентами данного списка находится под вопросом, т.е. *arbor Porphyrii* он действительно не образует.

Перенос традиционно определяется как употребление номинативной единицы “с тем, чтобы выразить значение, которое она прежде не выражала”, т.е. как использование её “во вторичном (производном) значении” [7, с. 163 и 5], или, с точки зрения античной филологии, как “поворот от собственного значения слова к другому, родственному” [8, с. 32], ср. греч. *τρόπος* ‘перенос’, букв. ‘поворот’. Ещё Аристотель указал на то, что ассоциации, лежащие в основе памяти и запоминания, а значит, по верному наблюдению А. Бланка, и переносов [4, с. 133], отталкиваются “от чего-либо сходного, от чего-либо противоположного или от чего-либо тесно связанного” [9, с. 39]. В этом ракурсе первичным и системо-

образующим параметром систематизации переносов необходимо считать характер лежащих в их основе ассоциаций:

1. По сходству. Ассоциации данного типа лежат в основе метафорических переосмыслений, охватывающих два плана языковых знаков:

А. План содержания. Ассоциации по *смысловому* сходству лежат в основе различных типов метафоры *sensu stricto*, представляющей собою: а) в смысловом плане – переосмысление на основе уподобления, б) в трансформационном – “сокращённое сравнение” [10, с. 76]. С другой стороны, сравнение “есть развёрнутая (πλεονάζουσα) метафора” [11, с. 64]; таким образом, метафора и сравнение находятся в отношениях обратимости: *золотые волосы* (метафора) ↔ *жёлтые, как золото, волосы* (сравнение).

Б. План выражения. Ассоциации по *звуковому* сходству лежат в основе звуковой метафоры: *Емеля* ‘болтун’ (ср. *мелет языком*), разг. *молоток* ‘молодец’, жарг. *лимон* ‘миллион’; эвфемистич. *ехать в Ригу* вм. более грубого *рыгать*, например: *Поехал в Ригу наш Николай Иванович, всё чинно-благородно – никого не трогает, а сидит себе и тихонько в Ригу едет* (М. Зощенко. Прискорбный случай); парижане в 1815 г. о русских солдатах: *rustres* ‘мужлань’ (ср. *russes*), об австрийцах: *autres chiens* ‘другие собаки’ (ср. *autrichiens*), о пруссаках: *plus chiens* ‘ещё одни собаки’ (ср. *prussiens*) [12, с. 46]. В подобных случаях наблюдаем замену номинации на такую единицу, которая звуковым составом “напоминает исходную (resembleth the true)”: лат. ирон. *Caldius Biberius Mero* ‘Вино Пьющий не в Меру’ вм. *Claudius Tiberius Nero* ‘Клавдий Тиберий Нерон’ [13, с. 212].

2. По сходству и контрасту. Как нам представляется, именно эти два типа отношений лежат в основе таксономических переносов, происходящих внутри одной родовидовой иерархии, причём сходство объединяет вид с родом, виды же внутри рода противопоставлены присущими им специфическими различиями (*differentiae specificae*) по контрасту; с этой точки зрения трудно принять мнение А. Бланка о том, что переносы данного типа основаны лишь на “сходстве понятий” [14, с. 42 и 46]. Таксономические переносы могут быть представлены в виде следующей микросистемы:

2.1. Перенос с абстрактного понятия на конкретное: *Она* ‘возлюбленная’; как приём эвфемии: *Про это* (заголовок поэмы В. Маяковского). Частными видами этой тактики являются переносы:

2.1.1. С рода на вид. Пример манипулятивного использования данной номинативной тактики:

– Шуба *соболья!* – выкрикивает охранитель.

Писарь записал.

– Что ты, в первый раз, что ли, на описи-то? – говорит тихо Ермил Николаевич.

Писарь вытаращил глаза.

– Пиши: “*меховая*”.

– Ложек *серебряных*...

Писарь записал.

– Да *металлических!*.. Чёрт тебя возьми! Я такого дурака ещё не видывал!

И.Ф. Горбунов. Иверские юристы

На этом типе переноса бывают построены логические перифразы: *люди в белых халатах* вм. *врачи*; эвфемистич. “то *водное пространство*, которое городничий называет *озером*” (Н.В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем), речь идёт о гигантской *луже* в центре Миргорода.

2.1.2. С вида на индивид: *Погиб поэт!* – *невольник чести* – *Пал, оклеветанный молвой* (М.Ю. Лермонтов. Смерть поэта). Данный перенос также может лежать в основе перифраз логического типа: *город на Неве, северная столица* (о Санкт-Петербурге), *известная организация* (о КГБ), *ведомство князя Ромодановского* (о Тайном приказе).

2.2. С вида на род: *На него напали там какие-то люди с трубами, барабанами и другими скрипками* (А. Грин. Алые паруса), ср. *музыкальными инструментами*; *...и всяких прочих шведов* (В. Маяковский. Стихи о советском паспорте), ср. *представителей небольших государств*.

2.3. С вида на вид, например, в целях: а) языковой игры: *Дамы нанесли с собой целые облака благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками* (Н.В. Гоголь. Мёртвые души), ср. *веяло*; б) эвфемии: *гурман* вм. *обжора*. Публий Рутилий Луп (I в. до н. э.), рассматривая “фигуру, которая противопоставляет предметы, одною силою обладающие”, приводит слова античного оратора Гиперида: “Зачем людей в заблуждение вводишь, обмануть их пытаешься? *Хитрого мудрым* называешь, *наглого – смелым, скупого – бережливым, жестокого – строгим*. Нет такого порока, который не объявил бы ты достойной похвалы добродетелью!” [15, с. 2].

Данный перенос наблюдается в сфере “ко-таксономии” и соединяет видовые понятия без каких бы то ни было известных специалистам видимых

ограничений [16, с. 137], однако А. Бланк увязывает его с отношениями слов, демонстрирующих “минимальное семантическое различие между собою” [4, с. 217]. По нашему мнению, при анализе переноса с вида на вид необходимо различать два принципиально различных случая:

А. Смену имён в сфере близких понятий, в частности, “похожих растений и животных”, ср., например, «европ. исп. *león* ‘лев’ > амер. исп. ‘пума’, европ. исп. *tigre* ‘тигр’ > амер. исп. ‘ягуар’» [4, с. 377], «лат. *talpus* ‘крот’ > итал. *topo* ‘мышь’» [4, с. 207 и 509]; этот же характер в современной русской речи имеет регулярная взаимозамена названий таких понятий, как: а) ‘чёрная ворона’, ‘ворон’ и ‘грач’; б) ‘ива’, ‘ветла’ и ‘ракита’. Так, в ботанике *ракита* и *ветла* считаются видами ивы. Терминологические определения этих слов таковы: “*Ракита*. Дерево или кустарник сем. ивовых, растущие обычно по берегам рек”; “*Ветла*. Дерево сем. ивовых с узкими, острыми серебристыми листьями; белая (серебристая) ива, белотал” [17, с. 122 и 1084]. В художественной и разговорной речи слова *ива*, *ветла* и *ракита* используются как синонимы: “Ива как в песнях, так и в обыденной жизни называется разными именами: *верба*, *ракита*, *ветла* и *тал* – наиболее частые из них” [18, с. 82]. В словарях синонимов все три слова фиксируются как равнозначные: “Ива, *ракита*, *ветла*. <...> – *Ветлой* пахнет, *ивовым* листом, *честное слово!* <...> *Прибрежная ива*, *родная ракита!* К. Паустовский. Рождение моря” [19, с. 414]. Думается, что “ко-таксономическое сходство понятий”, о котором говорит А. Бланк, вызывает скорее возможность смешения их названий (номинативную неточность, таксономическую ошибку), чем функционально релевантный перенос, причём наблюдается следующая закономерность: чем меньше таксономическая дистанция между понятиями, тем больше возрастает вероятность смешения их имён.

Б. Смену имён в сфере отдалённых друг от друга понятий. При этом чем значительнее таксономическое расстояние между понятиями, тем больше возрастает возможность смены их имён в риторических целях, что наблюдаем на примере шуточного выражения *пригласить на рюмку чая* (вм. *водки*), а также английского анекдота, в котором *джендльмен*, открыв дверь ванной, где в это время находилась *дама*, воскликнул: “Простите, сэр!”.

Первое описание переносов с рода на вид (ἐπιφορά ἄλο τοῦ γένους ἐπὶ εἶδος), с вида на род (ἄλο τοῦ εἶδος ἐπὶ γένος) и с вида на вид (ἄλο τοῦ εἶδος ἐπὶ εἶδος) находим у Аристоте-

ля: «С рода на вид – это когда говорю: “Вон там корабль мой поставлен (ἔστηκε)”, ибо *заякорить* (ὀρμεῖν) и есть *поставить* (ἑστάναι)». С вида на род: “Мириад славных дел Одиссей совершает”. Поскольку *мириад* (μυρίον) значит ‘много’, то и использовано это слово вместо *много*”. Понятие ‘мириад’ трактуется Аристотелем как видовое по отношению к понятию ‘много’, т. е. *de facto* речь идёт о переносе finitus numerus pro infinito. Далее: «С вида на вид: “медью душу вытянул” – то же, что “отсек нестираемой медью”, ибо *вытянуть* ‘отсечь’ значит, а *отсечь* – ‘вытянуть’, и оба означают ‘удалить’ (ἀφελεῖν)» [20, с. 48–49]: имеется в виду соотношение видовых понятий ‘отсечь’ и ‘вытянуть’ внутри родового ‘удалить’.

3. По смежности. На таких ассоциациях основана метонимия – перенос названия с одного объекта на другой “на основании пространственных, временных или каузальных связей” [21, с. 83]: **Вашингтон заявил, Москва ответила.** Как случаи переноса на основе “пространственных связей” можно рассматривать лишь два из многочисленных видов синекдохи: а) синекдоху totum pro parte – употребление названия целого (холонима) для обозначения части: *Барыня в летах, но нарядная и авантажная, ... с большим бюстом, подтянутым корсетом к самому носу, сидела на диване* (М. Кузмин. Круг царя Соломона); б) синекдоху pars pro toto – употребление названия части (партонима) для обозначения целого:

– Ну, как, братухи, неужто это и впрямь Пётр Третий к нам шествует?

– Он, он, – враз отзываются **козьи бородки, длинные носы, сутулые спины.**

В. Шишков. Емельян Пугачёв

Если синекдоха (в узком понимании данного термина) связывает элементы одного объекта, номинации которых образуют парциальную группу (*сутулые спины* → *люди с сутулыми спинами*; парциальная группа “Человек”: *рука, нога, голова, спина* и др.), то метонимия – элементы одной ситуации или одного сценария, номинации которых образуют тематическую группу: *Только после Сталинграда самим немцам стало предельно ясно – “поход на Восток” обречён* (В.Р. Мединский. Война. Мифы СССР. 1939–1945) → *после поражения немецко-фашистских войск Советской Армией под Сталинградом* (тематическая группа “Война”: *битва, поражение, войска, армия* и др.).

Впрочем, в понятиях целого и части может быть осмыслена и пропозициональная структура (например, актант как часть пропозиции), если

полагать, что в случае метонимии «говорящий вербализует (verbalizes) по формуле “pars pro toto” отдельный компонент пропозициональной структуры» [22, с. 73, ср. с. 84–85]. Однако при этом не следует отождествлять понятия ‘часть пропозиции (актант, сирконстант)’ и ‘часть материального объекта’.

Как показывает анализ, все виды переноса, включая метафору, происходят внутри определённого лексического класса, ср.:

Перенос	Тип ассоциации	Лексический класс
метафора метонимия синекдоха таксономические переносы	по сходству по смежности по сходству и по контрасту	– тематическая группа парциальная группа родовидовая иерархия

Ассоциации по сходству, ввиду отсутствия опоры на естественные связи внутри лексического класса, практически неисчерпаемы и непредсказуемы, что, по-видимому, и придаёт метафоре неожиданность, а значит, выразительность. Метонимические ассоциации, в противоположность метафорическим, традиционно оцениваются как более реалистичные и предсказуемые: “Если метонимические ассоциации ограничены кругом определённых отношений и потому достаточно предсказуемы, то характер метафорических ассоциаций абсолютно свободен (unconstrained)” [23, с. 306]. Думается, что метонимические ассоциации предсказуемы, поскольку связывают элементы одной (как правило, вполне обозримой) структуры. С другой стороны, предсказуемость ассоциаций по смежности является основой для использования метонимии в компрессивной функции. Таксономические переносы менее выразительны, чем метонимические, так как ассоциации, связывающие род и вид, аксиоматичны и, как правило, абстракты, т.е. лишены образности. Сказанным объясняется традиционное мнение о том, что “из всех тропов нет ни более красочного (florentior), ни более яркости (luminis) речи в отдельных словах придающего” [24, с. 329]. Как видим, выразительность переносов вполне может быть представлена в виде градуальной шкалы.

Вопрос об антифразисе

Антифразис [ср. греч. ἀντίφρασις ‘противоположное сказанному’] традиционно определяется как “номинация по противоположности” [25, с. 180]: *Крейсеры англичан в 1811 году пока-*

зались в Белом море, с **набожным** намерением разграбить Соловецкий монастырь (А. Бестужев-Марлинский. Мореход Никитин). Данный приём служит выражению иронии, а зачастую в той или иной степени отождествляется с нею, например, при трактовке его как “однословной иронии (*unius verbi ironia*)” [26, с. 402]. Видами переноса по контрасту считаются:

1. Хариентизм [греч. *χαριεντισμός* ‘остроумие’] – выражение отрицательной оценки под видом положительной: *Но, увы! я не служу и лишён удовольствия* (ср. *неудовольствия*) *видеть тонкое* (ср. *грубое*) *обращение с собою начальников* (Н.В. Гоголь. Мёртвые души); *“Отколе, умная, бредёшь ты, голова?” – Лисица, встреться с Ослом, его спросила* (И.А. Крылов. Лисица и осёл). Хариентизм скрывает “колкость под личиною приятности” [27, с. 39].

1.1. Видом хариентизма считается диасирм [греч. *διασирμός* ‘искажение, злословие’], выражающий иронию или сарказм под видом энкомия [греч. *εγκώμιον* ‘восхваление, славословие’] – речевого акта похвалы или речевого жанра, представляющего собой хвалебную речь, песнь или стихотворение в честь лица или божества (см., например, оду “Бог” Г.Р. Державина). Отсюда: а) ещё одно название этого приёма: *элевация*, ср. лат. *elevatio* ‘возвышение’; б) трактовка его как “преуменьшающего преувеличения (ταπεινώτης αύξησις)” [28, с. 54]: *А я, неведомый Пиита, В восторге новом воспою Во след Пиита знаменита Правдиву похвалу свою* (А.С. Пушкин, Ода его сиятельству графу Дм. Ив. Хвостову). Диасирм обязательно сопровождается деталью, пресуппозицией, добавлением или даже открытым пояснением, “разрушающими достоверность (αξιολίστως) похвалы” [29, с. 679]: *Ты уснёшь, окружён попечением Дорогой и любимой семьи (Ждущей смерти твоей с нетерпением)* (Н.А. Некрасов. Размышления у парадного подъезда); ср.: *Есть на селе у нас козак Шептун – хороший козак! Он любит иногда украсть и соврать без нужды, но... хороший козак* (Н.В. Гоголь. Вий).

2. Астеизм [греч. *αστεϊσμός* ‘острота’ < *αστεϊός* ‘городской’, ср. лат. *ironia urbana* ‘астеизм’, букв. ‘городская ирония’] – выражение положительной оценки под видом отрицательной, “деликатная и хитроумная игривость, коей хвалят либо льстят в форме порицания и упрёка” [30, с. 150]: *Рабочие были в духе и работали, действительно, быстро; особенно один подлец необыкновенно ловко попадал молотком в головку гвоздя и вбивал его с одного размаха* (А.П. Чехов. Огни), ср. *мастак, умелец*. Первоначально астеизмом именовали

любую фигуру изящной, “городской речи” (лат. *urbana dictio, urbanitas* ‘городская речь’), которая в античной филологии противопоставлялась грубой “деревенской речи”: “Астеизм есть троп многих и разнообразных достоинств. Ибо всё, что освобождено от деревенской простоты и в достаточной степени обработано городским умом, считается астеизмом” [26, с. 402].

Антифразис следует отнести к числу абстрактных переносов, так как он, в отличие от метафоры и метонимии, “может вовсе обходиться без образа” [41, с. 271]. Давно замечено, что антифразис связывает “те слова, источником которых является противоположность” [32, с. 31], ср. эвфемистич. *аромат* и *вонь*, *умник* и *глупец*. Если связанные антифразисом противоположности считать видами, принадлежащими одному роду (*аромат / вонь* ~ *запах, порицание / похвала* ~ *оценка*), то антифразис логично определить как перенос на противоположный вид (ибо “антифразис есть слово, по противоположности <предмет> обозначающее” [33, с. 276]), а значит, трактовать как случай рассмотренного выше таксономического переноса с вида на вид.

Ещё Карл Райзиг (1792–1829) выразил скептическое отношение к пониманию антифразиса как средства номинации, полагая, что именование чего-либо “*κατ’ ἀντίφρασιν*”, например лат. *non lucis* вм. *lucis* ‘свет’, является “полностью бессмысленным (*völlig unsinnig*)” [34, с. 287]. Единственная функция антифразиса представляется связанной с выражением иронии; за пределами данной функции антифразис действительно становится “полностью бессмысленным”.

А. Бланк, пытаясь расширить сферу действия переименования по контрасту, различает два его подтипа, связывая антифразис со вторым: а) “котаксономический (или антонимический) контраст”, например, *хорошенькое дельце* в смысле ‘плохое’; б) “антифразисный контраст – для случаев более косвенно противопоставленных понятий, например, франц. *pensionnaire* ‘постоялец пансионата’ > франц. жарг. ‘заключённый’” [14, с. 47; 6, с. 68], старофранц. *oste* ‘гость’ > ‘заложник’ [35, с. 92]. Представляется, однако, что шутивное французское слово *pensionnaire* в значении ‘заключённый’ и старофранц. *oste* в значении ‘заложник’ являются метафорами, поскольку заключённый подобен постояльцу пансионата и поскольку заложник в лагере врага похож на гостя в доме. Как видим, тезис А. Бланка о существовании неточного (“коннотативного”) “антифразисного контраста” оказывается лишён языковой базы. Вместе с тем, понятие “котаксономического

контраста” верно отражает природу контраста как феномена, непосредственно связанного с “контраксономией”, т.е. с видо-видовыми отношениями.

Отношение переносов к категории образности

Непростым представляется отношение переносов к категории образности. Художественные образы создаются с помощью слов дескриптивной, т.е. изобразительной, в частности конкретной семантики, обозначающих цвет, свет, звуки, запахи, форму, движение, предметы, т.е. всё, что может стать объектом сенсорного восприятия. Рассмотрим на примере стихотворения А. С. Пушкина “Зимнее утро” технику создания художественного образа природы:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Словесный пейзаж создан посредством слов конкретной семантики (*снег, лёд, иней, солнце, небеса, лес, ель, речка*), а также цветовых и световых эпитетов и глаголов (*голубой, прозрачный, чернеет, зеленеет, блестит*).

Фигура описания объекта (природы, интерьера и т.д.) “путём перечисления реальных или выдуманных наблюдаемых деталей” [46, с. 359] именуется дескрипцией [лат. *descriptio* ‘описание’ < греч. διαγραφή]. Дескрипции сравнивают с *картинами*, писателя называют *художником слова*; эта же метафора лежит в основе терминов *художественная литература* и *художественная речь*; именно последняя наиболее ярко реализует изобразительную функцию языка. Л.И. Тимофеев утверждает: “Ничего – кроме образа, т.е., точнее, системы образов, в литературном произведении нет”. Если это так, то художественная речь представляет собой “прагматический язык в его особой функции – объективации образа” [37, с. 15 и 18], а все остальные приёмы являются лишь вспомогательными её средствами. Виды дескрипции разнообразны: это изображение звёзд (астротезия), ветра (анемография), водоёмов (гидрография), страны, территории (география), местности (топография), дерева (дендрография), события (прагматография), лица или вымышленного существа: чёрта, русалки (прозопография), внешности или характера человека (характерисма), народа (хорография), исторической эпохи, времени года или суток (хронография), произведения искусства (экфрасис) и др.

Известны два номинативных типа дескрипции: 1) автология, состоящая в употреблении слов в прямом смысле; 2) металогия, основанная на использовании переносных выражений, отсюда латинские наименования этой техники: *oratio obliqua* ‘косвенная речь’, *ornatus difficilis* ‘тяжёлый, сложный <стиль>’, букв. ‘обильно украшенный’:

Три костра поднимались к небу с *весёлым* треском и *воем*, дома *таяли и плавилась* в красных взрывах пламени, по крышам *бегали золотые гребни, золотые птицы летали* в тучах дыма. Красная метель гуляла по улице, огонь *празднично разыгрался* и *творил* непонятное, чудесное. Вот взвезло в синеватом воздухе широкое *полотнище кумача*, наклонилось к дереву, и дерево сразу *зацвело алыми цветами*, а через минуту оно уже – чёрное, и тонкие сучья его курятся *сизыми струйками* дыма, точно восковые свечи, только что погашенные чьим-то дуновением. Дымится голубым дымом ярко освещённая крыша, и вдруг откуда-то с неба невидимо спускаются на неё *весёлой стаей* трепетных птиц *лоскутья* пламени, *бегут* по тёсу до конька крыши и *украшают его острыми зубьями*. Пламя вздымается снизу, *занавешивая* стены домов, изгибаясь змей, *заглядывает* с крыши в окна, точно вызывая кого-то из дому, чёрный дым густо *течёт* сквозь переплётки рам, они вспыхнули и сверкают в окнах жемчужными крестами. Стена дощатого сарая вся *разубрана золотым позументом*, из щелей *выползают гибкие змейки* огня, *свиваются* в пурпуровые клубки и *качаются* по стене вверх и вниз, падают на чёрную землю и *лизжут* её.

М. Горький. Пожар

Основой металогии являются словесные образы, представляющие собой ассоциативную связь, “игру” переносного значения с прямым, т.е. внутреннюю форму дескриптивного слова. Словесная образность является вспомогательной по отношению к художественной: “Специальные образные выражения являются только средством усиления начала образности” [38, с. 63]. Автологии, несмотря на отсутствие в ней словесной образности, нельзя отказывать в образности художественной: “В художественном тексте может не быть образных метафорических слов и выражений, но тем не менее перед нами будет образная экспрессивная речь, поскольку она что-то изображает и вызывает какие-то переживания” [39, с. 38].

Каково соотношение художественного и словесного образа? Если художественный образ представляет собой “образ посредством слов”, то словесный является “образом в слове” [40, с. 94].

Именно художественная образность литературного произведения делает возможным его перевод на языки графики и живописи, театра и кино. Художественный образ (портретный, пейзажный и др.) заключен в словесном описании, т. е. фрагменте текста, образ словесный – во внутренней форме слова. Элементом художественного образа является словообраз – отдельное дескриптивное слово, выполняющее “номинативно-образительную функцию” [41, с. 34]. Данное понятие восходит к концепции “общей образности” А.М. Пешковского:

«Во всем “Кавказском пленнике” Л. Толстого я нашел только одну фигуру (сравнение, притом совершенно неразвитое) и ни одного тропа (кроме, конечно, языковых). Однако... невозможно отрицать образности этого произведения и выбрасывать его за пределы художественной прозы. Очевидно, дело не в одних образных выражениях, а в неизбежной *образности каждого слова*, поскольку оно преподносится в художественных целях, поскольку оно даётся в плане *общей образности*» [38, с. 63].

Словесная образность возникает в результате переосмысления дескриптивной лексики, т. е. слов, смысл которых обращён к сенсорике. Такая лексика лежит в основе метафоры, она может лежать и в основе метонимии. Ещё Аристотель выявил разряд образительных переносов, или “переносов для глаз (μεταφοραὶ πρὸς ὀφθαλμῶν)”, способствующих “наглядности речи”. Судя по примерам, которые приводит учёный, это: а) метафора: “Кифисодот называл триеры *пёстрыми мельницами*”; б) метонимия: “*пролейте слёзы (δακρῦσαι)*” (по героям, павшим при Саламине) [42, с. 146]. Мысли Аристотеля соответствует мнение о том, что метафора и метонимия, “к коей и синекдоха принадлежит”, “заменяют прямое выражение непрямым, вещь – образом” [43, с. 285–286]. Переносы с рода на вид и с рода на индивид абстрактны, однако основанные на этих переносах перифразы, при наличии в их составе дескриптивного контекста (т. е. ключевых, или опорных слов), становятся образными: *город на Неве, люди в белых халатах*.

Вопрос о соотношении тропов и семантических переносов

Античное учение о тропах [греч. τρόπος ‘перенос’] было задумано как классификация переносов, ср.: “Речь украшается, как полагают греки, если пользоваться слов переносами (verborum immutationibus), кои тропами они именуют”

[44, с. 23]. Однако с течением времени данное учение приняло чрезвычайно запутанный характер. Наиболее непоследовательными его моментами, в частности, являются:

1. Таксономическая разнородность, поскольку к числу тропов относят: а) номинативные единицы (эпитет и перифразу); б) переносы, например метафору и метонимию, которые являются не номинативными единицами, а приёмами их образования.

2. Многие тропы несводимы к одному переносу. Так, эпитеты могут быть метафорическими (*золотые листья*) и метонимическими (*зелёный шум*); в основе перифразы может лежать метафора (*корабль пустыни* ‘верблюд’), метонимия (*голубые береты* ‘десантники’) и перенос с рода на вид или индивид (*город на Неве* ‘Санкт-Петербург’), в основе гиперболы – метафора (метафорическая гипербола: *море цветов*) и перенос finitus numerus pro infinito (количественная гипербола: *миллион раз* ‘много’); с учётом данного факта А. Бланк вполне резонно трактует гиперболу как результат “вторичных процессов переноса (secondary processes of transfer)” [4, с. 333; 35, с. 95].

Рассмотрим с этой же точки зрения антономасию [греч. ἀντονομασία ‘переименование’]. Под данным термином понимают: 1) Приём замены имени собственного: а) перифразой: *маленький корсиканец* вм. *Наполеон*; б) нарицательным именем: *писатель* вм. *Толстой*. Такая замена, именуемая классической антономасией, производится по формуле “species pro individuo” ‘перенос с вида на индивид’ [36, с. 265]. 2) Метафорическое использование имени собственного в значении имени нарицательного (прономинацию): *Отелло* ‘ревнивец’, *Автомедон* ‘кучер’. Давно замечено, что при такой замене имя собственное приобретает свойства имени нарицательного, в частности, способность употребляться в форме множественного числа, ср.: *Автомедоны наши бойки, Неутомимы наши тройки* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). Эту фигуру, представляющую собой, по определению Г. Лаусберга, “инверсию” и логическое дополнение схемы классической антономасии, называют фоссиановой антономасией, по имени голландского филолога Гергарда Фосса (1577–1649), полагавшего, что данная фигура “должна относиться к метафоре” [45, с. 326]. П. Фонтанье, объединяя антономасию классическую и фоссиановую, определяет её как “замену собственного имени нарицательным или наоборот” [30, с. 95]. 3) Выразительное использование прилагательного в значении существительного (тип грамматического переноса): *Бужу я память*

о *Джуликом* В сердцах молящихся людей (А. Блок. Люблю высокие соборы...), ср. о *Дьяволе*. Регулярная антономасия *per epitheton* приводит к субстантивации прилагательных: *серый* ‘волк’, *косой* ‘заяц’, *лукавый* ‘чёрт’.

3. Типовое определение тропов как “выражений и высказываний в переносном значении” [46, с. 289] вступает в конфликт с тем фактом, что, например, ни прямые эпитеты (*белый снег*, *синее море*), ни сравнения, традиционно трактуемые как тропы, с переносами никак не связаны. Соответственно, никак не связана с переносом и гипербола, основанная на сравнении (компаративная гипербола: *слаще мёда*, разг. *ниже плинтуса*). С этой точки зрения вряд ли можно принять без существенных оговорок мнение о том, что гипербола представляет собой перенос, а значит, и приведённую выше точку зрения А. Бланка.

При узком понимании, принятом с начала XIX в. немецкими филологами и перенесённом на русскую почву А.А. Потебнёй, к числу тропов относят только метафору и метонимию, в частности синекдоху. Данное таксономическое решение можно оценить как небезосновательное, если принять во внимание указанные выше логические неувязки в понимании тропов.

Тропы представляют собой декоративные средства, используемые в художественном стиле и соответствующие двум его системообразующим функциям: изобразительной и эстетической (т.е. “установке на выражение” [47, с. 10]), отсюда их трактовка как “всеобщего закона поэтического текста” [48, с. 117]. При недооценке данного факта становится невозможно провести границу между тропами и средствами словесной образности, которые всегда экспрессивны (о людях: *осёл*, *гадюка*), однако не всегда декоративны.

Грамматические переносы

Наиболее влиятельные списки переносов охватывают только лексическую семантику [2; 49, с. 426–427; 35, с. 74–95]; как бы автономно от них существуют многочисленные перечни грамматических переносов [26, с. 393–394; 50, с. 460–596; 36, с. 235–240 и др.]. Последние именуются также грамматическими схемами, фигурами и даже метафорами или тропами, в старинном значении последних двух терминов, никак не связанном с понятиями дескриптивности и образности: имеются в виду лат. *mataphora in genere* ‘перенос’ и греч. *τρόπος* ‘перенос’, ибо, как напоминает комментатор Гермогена из Тарса (160–225 н. э.), “*τρέτειν* означает *μεταφέρειν*, т.е. *перенос*”,

и тропы суть не что иное, как переносы” [51, с. 108]. Актуальной задачей современной филологии представляется осмысление лексических и грамматических переносов как единой системы.

Грамматический перенос, или эналлага [греч. *εναλλαγή* ‘изменение’], связан с переосмыслением морфологических категорий. Авторитетный немецкий филолог и библеист Иоганн Альбрехт Бенгель (1687–1752) пишет: “Эналлага есть грамматическая фигура... Виды её суть антимэрия и гетерозис” [52, с. 1094]. Данное членение восходит к позднеантичной традиции: так, в грамматиках Сервия Доната (IV в.) и его комментатора Помпея (V в.) эти переосмысления отнесены “либо к частям речи, либо к грамматическим формам частей речи” [53, с. 433].

Антимэрия [греч. *ἀντί* ‘вместо’, *μέρος* ‘часть (речи)’], “частеречная эналлага (*partium enallage*)” [54, с. 94], или, используя более современный термин, конверсия, состоит в употреблении одной части речи в значении другой “без какой-либо модификации или добавления” [55, с. 38]. Наблюдается следующая обратная зависимость: чем менее активна в языке аффиксация, тем более продуктивна конверсия и наоборот; именно поэтому наиболее “[м]ногочисленные примеры конверсии дают изолирующие языки” [56, с. 152]. По указанной причине тактика конверсии эксплуатируется, например, в английском языке более активно, чем в русском. Здесь с помощью конверсии регулярно образуются:

1. Глаголы (по схемам “имя существительное > глагол”, “имя прилагательное > глагол”) и имена прилагательные (по схеме “имя существительное > имя прилагательное”). Считается, что указанные схемы основаны на метонимическом переосмыслении [например: 57; 58 и др.]. Тот факт, что в их основе действительно лежат ассоциации по смежности, подтверждается данными трансформационного анализа, ср.: *to hammer a nail into smth.* → *to drive a nail with a hammer into smth.* (обозначение действия по его актанту); *stone wall* → *stone-built wall* → *wall built of stone* (обозначение признака по актанту того действия, в результате которого данный признак возник); *to empty a ship* → *to unload a ship* <*and so to make it empty*> (обозначение действия по его результату).

2. Имена существительные. Поскольку категориальной базой слов этого частеречного класса является грамматическое значение предметности, условием их образования при конверсии (прежде всего от глаголов и прилагательных) является опредмечивание [лат. *reificatio*] – мысленная операция, состоящая в наделении абстрактного поня-

тия свойствами конкретного объекта, в частности живого существа. Определению подвергаются две абстрактных идеи:

2.1. Понятие действия (схема “глагол > имя существительное”). Специалистами замечено, что определению действия достигается посредством метафоры [59, с. 263]: *to take a walk* (прогулка представлена в образе предмета, который можно взять, ср. *to take an axe*); *Work gives me satisfaction* (работа представлена в образе лица, которое может что-то передать, ср. *He gives me books*).

2.2. Понятие признака (схема грамматического переосмысления “имя прилагательное > имя существительное”): англ. *the unthinkable thing* → *the unthinkable*, рус. *эфирное дуновение, невидимое существо* → *Как бы эфирное там веет меж листов, Как бы невидимое дышит* (В.А. Жуковский. Славянка). Механизм переосмысления, лежащего в основе данной схемы, имеет дискуссионный характер. Рассмотрим существующие точки зрения.

А. Схема конверсии “имя прилагательное > имя существительное”, в частности, антономасия *per epitheton* (*серый* вм. *волк*, англ. жарг. *long green* вм. *dollar*, греч. Φοῖβος ‘Лучезарный’ вм. *Аполлон*) иногда трактуется как вид: 1) метонимии [60, с. XIII; 61, с. 100], однако в этом случае признак придётся считать феноменом, смежным с предметом (между тем, предмет и его признак не составляют фрейм); 2) синекдохи [62, с. 204; 63, с. 237; 64, с. 38; 65, с. 30], в соответствии с традицией, восходящей к учению Трифона Александрийского (I в. до н.э.), однако в этом случае признак придётся считать частью предмета, что также уязвимо с точки зрения логики.

Б. Грамматист Ханс Эртель (1868–1952) для интерпретации данного типа конверсии ввёл понятие абсорбции: часть словосочетания (*unthinkable*) “абсорбирует” значение имени существительного (*the thing*) и таким образом обретает его свойства. Процесс абсорбции ведёт к субстантивации прилагательного, а значит, и к эллипсису определяемого имени существительного как семантически излишнего: “Таким путём слово может регулярно приобретать значение, которое изначально принадлежало сложному целому”, ср. франц. *la première* и *la representation première* [66, с. 315]. С этой точки зрения данный случай переосмысления следует охарактеризовать не как перенос (тем более что ни в одну формулу переноса он не вписывается), а как категориальное осложнение слова: прилагательное, ставшее представителем *субстантивного* словосочетания, приобретает

(или, по выражению Х. Эртеля, “впитывает”) категориальные свойства имени существительного, т.е. опредмечивается, *субстантивируется* [лат. *substantia* ‘нечто существующее, предметное’ < греч. οὐσία ‘отдельное тело, предмет’].

Здесь подчеркнём, что перенос с рода на вид, например, лат. *sermo* ‘речь’ > англ. *sermon* ‘молитва’ из лат. *sermo religious* [66, с. 312–313; ср.: 2, с. 58 и 63], франц. *gabelle* ‘налог’ > *gabelle* ‘налог на соль’ вм. *gabelle de sel* (пример А. Бланка) к категориальному сдвигу не ведёт, поэтому схему конверсии “имя прилагательное > имя существительное” и перенос с рода на вид ставить, вслед за Х. Эртелем, К. Ниропом и А. Бланком, в один таксономический ряд логически нецелесообразно.

Одни схемы конверсии могут придавать речи простоту и краткость, отсюда трактовка морфологии как “конденсированной синтагматики” [67, с. 178]; другие (антономасия *per epitheton*) – выразительность, отсюда несколько преувеличенная оценка антимэрии как “наиболее эмоциональной грамматической фигуры” [68, с. 62]. Как показывает анализ, феномен конверсии не может быть сведён к одному только переносу, например, вслед за Г. Крокко-Галеас, к метафоре [69].

Гетерозис [греч. ετέρωσις ‘изменение’] состоит в использовании одной грамматической формы в значении другой. Виды этой фигуры, описанные в научной литературе Средневековья и Нового времени, многочисленны. Рассмотрим и сгруппируем наиболее релевантные для русского языка.

1. Темпоральный перенос [греч. χρόνου υπαλλαγή, лат. *enallage temporum*], в частности настоящее историческое – форма настоящего времени, используемая в значении прошедшего: *Вот бегают дворовый мальчик* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). Дионисий Лонгин (I в. н.э.) отмечает: “Если вы представите события прошлого как происходящие сейчас, ваш рассказ перестанет быть повествованием и превратится в реальность” [28, с. 38].

2. Количественный перенос [лат. *enallage numeri*], в частности:

а) *singularis pro plurali* [лат. ‘единственное вм. множественного’] – перенос с единицы на множество: *Верблюды хорошо переносят жару* (А. Брем. Жизнь животных). За пределами специальной речи этот перенос имеет разговорный либо просторечный оттенок: *Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спалённая пожаром, Французу отдана?* (М.Ю. Лермонтов. Бородино).

б) pluralis pro singulari [лат. ‘множественное вм. единственного’] – перенос с множества на единицу. Виды этого переноса:

– множественное экспрессивное: разг. *Ты по театрам будешь ходить, а я с ребёнком сиди? Это у вас собаки лают?* (об одной собаке) [70, с. 84], ср.: “Существительное, употребленное в множественном числе, означает несправедливое пристрастие к этому предмету“ (Л. Толстой. Юность);

– множественное эмфатическое [лат. *pluralis intensivus*], применяемое в народной, разговорной, поэтической речи: *ветры, морозы, вóды, ветрá, снегá*; ср.: “Идут белые снеги” (Е. Евтушенко. Идут белые снеги...);

– вежливое *вы* вм. фамильярного *ты*; королевское *мы* (*pluralis majestatis*): *Отсель грозить мы будем шведу* (А.С. Пушкин. Медный Всадник);

– авторское *мы*, характерное для научной речи;

– *pluralis modestiae* ‘множественное скромности’ – замена формы ед. числа глагола формой множественного в определённо-личных предложениях типа *Произведём эксперимент*, что также характерно для научного стиля;

в) finitus numerus pro infinito [лат. ‘определённое количество вм. неопределённого’] – осмысление имени числительного как обозначения неопределённого множества, в частности как основы нумеральной гиперболы: *Не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же?* (Н.В. Гоголь. Мёртвые души); *Та страна, которая хочет начать войну, найдёт двадцать восемь поводов это сделать* (Право голоса, 9.09.2015).

3. Полипрóзопон [греч. *πολυπρόσωπον* ‘многоликий’] – переосмысление категории лица. Так, местоимение 3-го л. в применении к адресату речи выражает гнев, предполагая наличие некоего воображаемого свидетеля: *Ты* [= воображаемый свидетель] *посмотри на него!* *Я говорю, а он* [реальный адресат речи] *отвернулся*. Употребление имени адресата в значении местоимения 2-го л. выражает почтение:

Цезарь. Не забудь коснуться в быстром беге Кальпурнии; ведь старцы говорят, Что от священного прикосновенья Бесплодие проходит.

Антоний. Не забуду. Исполню все, что Цезарь повелит. (В. Шекспир. Юлий Цезарь).

Лонгин отмечает, что “автор нередко принимает личину своего героя” и, ”переходя от одного лица к другому”, говоря их языком и от их имени, “становится многоликим”; Демосфен

«разрывал речь между третьим и вторым лицом: “Найдётся ли, – кричал он, – чувство отвращения или даже гнева в ком-либо из вас к этому грязному мерзавцу – о ты, презренный негодяй!..”» [28, с. 40 и 41]. Видом данной фигуры является иллизм [лат. *ille* ‘он’], состоящий в упоминании о себе в третьем лице. С этой целью используются имена: а) нарицательные: *Да, Президент Российской Федерации получил от верхней палаты парламента право использовать Вооруженные Силы на Украине* (Речь В.В. Путина, 18.03.2014); б) собственные:

Цезарь. Кто из толпы сейчас ко мне зывал? Пронзительнее музыки чей голос Звал – “Цезарь!” Говори же: *Цезарь внемлет* (В. Шекспир. Юлий Цезарь).

4. Гендерный перенос [лат. *enallage generis*] – переосмысление категории рода. Немецкий филолог Б. Вестхаймер приводит следующий пример этого переноса: “И с <мужского> рода на <женский> род: Я похороню моего мёртвого (Кн. Бытия, XXIII: 8), где мужской род употреблён вместо женского” [71, с. 441–442]. Ввиду отсутствия в русском языке стилистически нейтральных суффиксов, обозначающих женщин по профессии, имена существительные мужского рода регулярно используются здесь в значении женского рода: *Наша врач пришла*. Данный тип переноса является источником двуродовых имён.

5. Модальный перенос [лат. *enallage modi*] – переосмысление категории наклонения: *А ну отошёл от лужи!* (мать – ребёнку), ср. *Отойди от лужи!*

Ещё Лоренцо Валла (1407–1457) отметил, что “<значение> времени относится к <значению> прошедшего времени так же, как род к виду” [72, с. 270]. Как известно, грамматические значения формируют таксономические микроиерархии: 1) ‘число’ (род) ~ ‘ед. ч.’, ‘двойственное число’, ‘мн. ч.’ (виды); 2) ‘лицо’ (род) ~ ‘1-е лицо’, ‘2-е лицо’, ‘3-е лицо’ (виды); 3) ‘род’ (родовое понятие) ~ ‘жен. род’ и ‘муж. род’ (виды) и др. С этой точки зрения гетерозис можно рассматривать как горизонтальный семантический сдвиг в грамматической микроиерархии, т.е. как перенос с вида на вид.

Спорные вопросы теории грамматического переноса

Вопрос о грамматических переносах не менее запутан, чем учение о тропах. Сформулируем по данному поводу некоторые рекомендации.

1. Эналлагу необходимо понимать как изменение смысла, а не формы; с этой точки зрения трудно принять суждение Эразма Роттердамского: “Эналлага связана с незначительным варьированием формы слов”: *удивительно красноречивый человек* вм. *человек удивительного красноречия* [73, с. 321].

2. Эналлага никак не связана ни с дескриптивностью, ни, следовательно, с образностью. С учётом данного факта как преувеличение, основанное, как кажется, на неверном восприятии термина *metaphora (in genere)* в смысле ‘*metaphora (ex simili)*’, воспринимается следующий тезис: “Метафорой в грамматике можно считать перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой *с целью создания образности*” [курсив наш. – В. М.] [74, с. 51].

3. Сложен вопрос о синекдохе. В узком смысле синекдоха определяется как метонимический перенос с целого на часть (*totum pro parte*) или наоборот (*pars pro toto*). Автор “Риторике к Гереннию” определяет этот перенос следующим образом: “Синекдоха есть целого предмета под частью подразумевание или части под целым”: «Так, ежели кто кого *платье иль облаченье* дорогое показать просит, то молвит: “Показывай мне *богатства, сокровища* [курсив наш. – В. М.] свои выкладывай”. К числу видов синекдохи учёный, трактуя единицу как часть множества, отнёс переносы *ab uno plura* и *a pluribus unum*, т.е. единственное вм. множественного и наоборот [75, с. 138], однако при отнесении к сфере синекдохи этих двух фигур она начинает пересекаться с количественными, т.е. грамматическими переносами.

Одно из широких пониманий синекдохи аргументируется учёными, сознательно пренебрегающими разницей между таксономией и партонимией: “Синекдоха есть перенос с части на целое или с целого на часть, а также с вида на род и с рода на вид, *поскольку вид – это тоже часть, а род – это тоже целое*” [курсив наш. – В. М.] [76, с. 29], ср.: “ель – часть категории ‘дерево’, подобно тому как говорят, что рука – часть тела” [77, с. 94]. В нежелательности приложения понятия ‘часть’ к сфере абстракций, приводящего к размыванию границы между парциальными и таксономическими, а значит дескриптивными и абстрактными переносами, убеждает невозможность субституции *Рука – часть тела* → **Рука – вид тела*. Следовательно, целесообразно: а) понятие ‘часть’ принимать в узком конкретном смысле – как составной либо неотторжимый фрагмент материального объекта; б) согласиться с мыслью о

том, что “нужно отличать отношение рода и вида от отношения целого и части, смешение которых может оказаться причиной теоретических и практических ошибок” [78, с. 51].

Синекдоха в широком смысле рассматривается с двух точек зрения (“локусов”): а) от большего к меньшему (*locus a maiore ad minus*): *genus pro specie, totum pro parte* и *pluralis pro singulari*; б) от меньшего к большему (*locus a minore ad maius*): *species pro genere, pars pro toto* и *singularis pro plurali* [36, с. 187]. Включение в сферу синекдохи таксономических и количественных переносов отдаляет её от понятия метонимии, под определение которой как переноса по пространственной, темпоральной или каузальной смежности подпадают только парциальные переносы *totum pro parte* и *pars pro toto*. Добавление к числу видов синекдохи не соответствующих указанным двум локусам переносов *ex praecedentibus sequentia* ‘с причины на следствие’ “или наоборот” [10, с. 77], с материала на изделие: *auro* ‘золото’ вм. *pecunia* ‘деньги’ [79, с. 163], а также, вслед за Трифоном Александрийским, антономасии ещё больше размывает данное понятие.

* * *

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Первичным и системообразующим параметром систематизации переносов необходимо считать характер лежащих в их основе ассоциаций:

1.1. По сходству. Ассоциации данного типа лежат в основе метафорических переосмыслений, охватывающих как план содержания (*метафора sensu stricto*), так и план выражения языковых знаков (*звуковая метафора*).

1.2. По сходству и контрасту. Эти два типа отношений составляют основу таксономических переносов, происходящих внутри одного родовидового класса слов. Таксономические переносы образуют следующую иерархию: 1) перенос с абстрактного понятия на конкретное (*abstractum pro concreto*), в частности: а) с рода на вид (*genus pro specie*); б) с вида на индивид (*species pro individuo*); 2) перенос с вида на род (*species pro genere*), в частности *finitus numerus pro infinito*; 3) перенос с вида на вид (*species pro specie*). Поскольку антифразис представляет собой перенос на противоположный вид, данный приём следует рассматривать как случай переноса с вида на вид.

1.3. По смежности. На таких ассоциациях основана метонимия – перенос названия с одного

объекта на другой на основе ассоциаций по фрейму. Если полагать, что фрейм объединяет не только элементы ситуации или сценария, но и части объекта, то как случаи метонимии целесообразно рассматривать лишь два из всех видов синекдохи: а) перенос с целого на часть (*totum pro parte*); б) перенос с части на целое (*pars pro toto*), принимаемая понятие 'часть' в узком конкретном смысле – как составной либо неотторжимый фрагмент материального объекта, а синекдоху – как перенос, сферой действия которого является парциальная группа. При иных истолкованиях понятие синекдохи пересекается с различными типами грамматических, таксономических и иных переносов, что делает данное понятие менее определённым.

2. Все виды переноса, исключая метафору, происходят внутри определённого семантического класса языковых единиц: метонимия – внутри тематической группы, синекдоха – внутри парциальной группы, таксономические переносы – внутри родовидовой иерархии.

3. Метафора, метонимия и, в частности, синекдоха обладают дескриптивным, а значит и образно-изобразительным потенциалом, что противопоставляет их таксономическим переносам, которые могут быть квалифицированы как абстрактные и в образно-изобразительном отношении иррелевантные. Основу словесной образности составляют метафора, метонимия и синекдоха.

4. Степень выразительности переносов образует градуальную шкалу: 1) ассоциации по сходству, ввиду отсутствия опоры на естественные связи внутри лексического класса, непредсказуемы, что придаёт метафоре неожиданность и выразительность; 2) метонимические ассоциации, связывающие элементы одного (как правило, вполне обозримого) фрейма, предсказуемы, а значит менее экспрессивны; 3) таксономические переносы менее выразительны, чем метонимические, поскольку ассоциации, связывающие род и вид: а) аксиоматичны; б) иррелевантны в образно-изобразительном отношении.

5. Сфера действия переносов охватывает не только лексику, но и грамматику. Грамматические переосмысления представлены двумя типами: 1) антимерией, или конверсией; 2) гетерозисом, т.е. использованием одной грамматической формы в значении другой. В основе схем конверсии лежат метонимия, метафора и абсорбция, в основе гетерозиса – перенос с вида на вид.

6. По функциональному параметру все переосмысления целесообразно подразделить на два типа: 1) функционально релевантные; 2) функционально иррелевантные, в частности пере-

осмысление по близкозвучию, лежащее в основе одного из типов народной этимологии. Поскольку народная этимология может состоять не только в переосмыслении слов, но и в искажении их формы, считать её типом переноса (например, вслед за К. Ниропом, С. Ульманом, А. Бланком и др.) нет оснований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Paradis C.* Metonymization: A key mechanism in semantic change. Defining metonymy in cognitive linguistics: Towards a consensus view. Amsterdam, 2001.
2. *Nyrop K.* Grammaire historique de la langue française. Vol. 4. Sémantique. Copenhagen, 1913.
3. *Ullmann S.* The principles of semantics. Glasgow, 1951.
4. *Blank A.* Prinzipien des lexikalischen Bedeutungswandels am Beispiel der romanischen Sprachen. Tübingen, 1997.
5. *Копорская Е. С.* Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988. [Koporskaya, Je. S. *Semanticheskaya istoriya slavianizmov v russkom literaturnom jazyke novogo vremeni* [Semantic history of the Slavonicisms in the Russian literary language of the Modern age]. Moscow, 1988.]
6. *Blank A.* Pour une approche cognitive du changement sémantique lexical: aspect sémasiologique. Théories contemporaines du changement sémantique. Ed. J. François. Leuven, 2000.
7. *Stern G.* Meaning and change of meaning: with special reference to the English language. Indiana Univ. Press, 1968 [1931].
8. *Guarin P.* Grammaticæ hebraicæ et chaldaicæ. T. II. Complectens syntaxim figuratam, sive Rhetoricam sacram. Lutetiae Parisiorum, 1726.
9. *Aristotle.* De memoria et reminiscencia. Aristotle on memory and recollection: Text, translation, interpretation, and reception in Western scholasticism. Ed. D. Bloch, Leiden, 2007.
10. *M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim.* Vol. II. Lipsiae, 1854.
11. *Δημητρίου Φαληρέως περί Ερμηνείας.* Demetrii Phalerei De Elocutione, sive, Dictione Rhetorica. Glasgae, 1743.
12. *Ermida I.* The language of comic narratives: Humor construction in short stories. Berlin, 2008.
13. *Puttenham G.* The Arte of English Poesie. 1589. Ed. E. Arber. London, 1869.
14. *Blank A.* Words and concepts in time: towards diachronic cognitive onomasiology. Words in time:

- diachronic semantics from different points of view. Berlin, 2003.
15. P. Rutilii Lupi De figuris sententiarum et elocutionis. Antiqui rhetores latini. Argentorati, 1756.
  16. Cruse D. A. Lexical Semantics. Cambridge, 2001 [1986].
  17. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. [*Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1998.]
  18. Автамонов Я. А. Символика растений в великорусских песнях. М., 2011 [1902]. [Avtamonov, Ja. A. *Simvolika rastenij v velikorusskih pesniah* [The symbolism of the plants in the Great Russian songs]. Moscow, 2011 [1902].]
  19. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2-х т. Т. 2. М., 2003. [*Slovar' sinonimov russkogo jazyka* [A dictionary of synonyms of the Russian language]. Ed. A. P. Jevgenieva: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 2003.]
  20. Aristotelis Poetica. Ad codices antiquos recognitam latine conversam commentario illustratam. Ed. F. Ritter. Coloniae, 1839.
  21. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. 10 Aufl. Tübingen, 1995.
  22. Fonagy I. Languages within language: an evolutive approach. Amsterdam, 2001.
  23. Warren B. What is metonymy? Historical linguistics 1995. Vol. 2. Amsterdam, 1998.
  24. Cicero M. T. De oratore. Hannover, 1839.
  25. Tiberius Rhetor de Schematibus apud Demosthenem. Rhetores selecti. Emend. Th. Gale. Oxonii, 1676.
  26. Probi Donati Servii De arte grammatica. Grammatici Latini. Ed. H. Keil. Vol. IV. Lipsiae, 1864.
  27. Iulii Rufiniani. De figuris sententiarum et elocutionis liber. Rhetores latini minores. Lipsiae, 1863.
  28. Διονυσίου ἢ Λογγίνου Περὶ ὑψους. Longini quae supersunt. Graece. Dispos. A. E. Egger. Parisiis, 1837.
  29. Ζωναίου περὶ σχημάτων. Rhetores graeci. Emend. Ch. Walz. Vol. VIII. Stuttgartiae & al., 1835.
  30. Fontanier P. Les Figures du discours. Éd. G. Genette. Paris, 1968.
  31. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990. [Potebnia, A.A. *Teoreticheskaya poetika* [The theoretical poetics]. Moscow, 1990.]
  32. Isidori Hispalensis episcopi Originum libri viginti ex antiquitate eruti. Basileæ, 1577.
  33. Flavii Sosipatri Charisii Artis Grammaticae Libri V. Grammatici Latini: 8 vols.. Ed. H. Keil. Vol. I. Lipsiae, 1857.
  34. Reising K. C. Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1839.
  35. Blank A. Einführung in die lexikalische Semantik: für Romanisten. Tübingen, 2001.
  36. Lausberg H. Handbook of Literary Rhetoric. Leiden, 1998.
  37. Тимофеев Л. И. Проблемы стиховедения. М., 1931. [Timofeev, L.I. *Problemy stihovedeniya* [The problems of prosody]. Moscow, 1931.]
  38. Пешковский А. М. Принципы и приёмы стилистической оценки художественной прозы. Ars poetica. Вып. 1. М., 1927. [Pechkovskij, A.M. *Printsipy i priyomy stilisticheskoy otsenki hudozhestvennoj prozy* [The principles and techniques of stylistic evaluation of the belletristic prose] *Ars poetica*. Iss. 1. Moscow, 1927.]
  39. Шмелёв Д. Н. Слово и образ. М., 1964. [Schmelyov, D.N. *Slovo i obraz* [The word and the image]. Moscow, 1964.]
  40. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. [Vinogradov, V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. A Theory of the poetic speech. Poetics]. Moscow, 1963.]
  41. Васильева А. Н. Художественная речь. М., 1983. [Vasilyeva, A.N. *Hudozhestvennaya rech'* [The belletristic speech]. Moscow, 1983.]
  42. Aristotelis De rhetorica libri III. Aristotelis opera. Ex rec. I. Bekkeri. T. XI. Oxonii, 1837.
  43. Heinichen F. A. Lehrbuch der Theorie des lateinischen Stils. Leipzig, 1842.
  44. Cicero M. T. Brutus. Cambridge, 1853.
  45. Vossius G. J. Rhetorices contractae, sive Partitionum oratoriarum libri quinque. Matrity, 1781.
  46. Sierotwinski St. Słownik terminów literackich. Wrocław, 1982.
  47. Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. Набросок 1-й. В. Хлебников. Прага, 1921. [Jakobson, R. *Noveyshaya russkaya poesiya. Nabrosok 1-j. V. Khlebnikov* [New Russian poetry. The 1st draft. V. Khlebnikov]. Prague, 1921.]
  48. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Учен. зап. Тарт. гос. ун-га. Вып. 160. Тарту, 1964. [Lotman, Ju. M. *Leksii po struktural'noj poetike* [Lectures on the structural poetics] *Uchyonye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Iss. 160. Tartu, 1964.]
  49. Bloomfield L. Language. London, 1962 [1933].
  50. Gerber G. Die Sprache als Kunst. Vol. 1. Bromberg, 1871.
  51. Hermogenis Ars oratoria absolutissima, et libri omnes. Cum nova Versione Latina e regione Contextus Graeci, & Commentariis Gasparis Lavrentii. Coloniae Allobrogum, 1614.
  52. Bengel J. A. Gnomon Novi Testamenti, in quo ex nativa verborum vi simplicitas, profunditas, concinnitas,

- salubritas sensuum cœlestium indicatur. Londini, 1862.
53. Pompeii Commentum Artis Donati. Lipsiae, 1820.
54. Thomæ Linacri Britanni De emendata structura Latini sermonis libri VI. Accessit Libellus eiusdem Camerarij de arte grammatica, & figuris dictionum. Lipsiæ, 1591.
55. Sweet H. A new English grammar, logical and historical. Part I. Introduction, phonology, and accidence. Oxford, 1892.
56. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. III. М.; Вена, 2013. [Mel'chuk I. A. *Kurs obschei morfologii* [The course of the general morphology]. Vol. III. Moscow; Vienna, 2013.]
57. Dirven R. Conversion as a conceptual metonymy of event schemata. Metonymy in language and thought. Amsterdam, 1999.
58. Schönefeld D. Zero-derivation – functional change – metonymy. Approaches to conversion/zero-derivation. Münster, 2005.
59. Ruiz de Mendoza F., Cervel S. P. Grammatical metonymy within the 'action' frame in English and Spanish. Current trends in contrastive linguistics: Functional and cognitive perspectives. Amsterdam, 2008.
60. Lodge D. Working with structuralism: essays and reviews on nineteenth and twentieth century literature. London, 1981.
61. Ruhl Ch. On monosemy: A study in linguistic semantics. State Univ. of New York Press, 1989.
62. Τρύφωνος. Περί τρώπων. Rhetores graeci. Ex recogn. L. Spengel. Vol. III. Lipsiae, 1856.
63. Kokondrius. De tropis. Rhetores graeci. Ed. L. von Spengel. Vol. 3. Lipsiae, 1856.
64. Pollio H. R., Barlow J. M., Fine H. J., Pollio M. R. Psychology and the poetics of growth: Figurative language in psychology, psychotherapy, and education. Hillsdale, 1977.
65. Rice D., Schofer P. Rhetorical poetics: theory and practice of figural and symbolic reading in modern french literature. Univ. of Wisconsin Press, 1983.
66. Oertel H. Lectures on the study of language. New York & London, 1902.
67. Graffi G. 200 years of syntax: A critical survey. Amsterdam, 2001.
68. Joseph M. Shakespeare's Use of the Arts of Language. New York, 1966.
69. Crocco-Galeas G. Conversion as morphological metaphor. Naturalists at Krems: Papers from the Workshop on natural phonology and natural morphology. Salamanca, 1990.
70. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 2011. [Zemskaya, Ye.A. *Russkaya razgovornaya rech: lingvisticskij analiz i problemy obucheniya* [Colloquial Russian speech: linguistic analysis and teaching problems]. Moscow, 2011.]
71. Westheimer B. Collectanea troporum, Sacrae Scripturae candidatis utilisima. Argentorati, 1535.
72. Valla L. Dialectical disputations. Vol. I. Harvard Univ. Press, 2012.
73. Desiderius Erasmus. De copia: De ratione studii. Univ. of Toronto Press, 1978.
74. Шендельс Е.И. Грамматическая метафора. Филологические науки. 1972. № 3. [Schendels, Ye. I. *Grammaticheskaya metafora* [The grammatical metaphor]. *Filologicheskiye nauki*, 1972. № 3.]
75. Rhetoricorum ad Herennium libri quatuor. Lugduni, 1588.
76. Isidori Hispalensis episcopi Originum libri viginti ex antiquitate eruti. Basileæ, 1577.
77. Seto K. Distinguishing Metonymy from Synecdoche. Metonymy in Language & Thought. Amsterdam, 1999.
78. Бартон В.И. Имя // Логика / Под ред. В. Ф. Беркова. Минск, 1994. [Barton V. I. *Имя* [The name]. *Logika*. Ed. V. F. Berkov. Minsk, 1994.]
79. Tabulae rhetoricae Cypriani Soarii (1589). Rhetoric & dialectic in the time of Galileo. Ed. Jean Dietz Moss & W. A. Wallace. The Catholic Univ. of America Press, 2003.